

Роль школы в формировании личности героя в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности»

В автобиографическом романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности» многие значимые эпизоды из жизни главного героя, Стивена Дедала, связаны с пребыванием в учебных заведениях. Главное место занимают два иезуитских колледжа, система образования которых была направлена на развитие индивидуальных способностей учащихся, но также их честолюбия, духа соперничества, четкого следования установленным правилам. Пространство родного дома героя в начале повествования полностью противопоставлено пространству колледжа-пансиона, который представляется чужим, темным и агрессивным. Однако с течением времени дом Дедалов утрачивает свои положительные характеристики и уже не в силах оградить Стивена от влияния нездоровой атмосферы школы. Вместе со знаниями и умениями мальчик впитывает и существовавшие там пороки, которые становятся продолжением врожденных свойств его натуры. Таким образом, пребывание в учебных заведениях, способствуя развитию его творческих способностей, также оказывает глубочайшее влияние на формирование определенных черт его личности.

Ключевые слова: Джойс, школа, гордыня, амбиции, личность, негативное пространство.

Tatiana Żylina-Els

The Role of School in Shaping the Personality of the Protagonist in Joyce's "A Portrait of the Artist as a Young Man"

In J. Joyce's autobiographical novel "A Portrait of the Artist as a Young Man" there are many significant episodes in Stephen Dedalus' life describing him staying in educational institutions. These are presented mainly by two Jesuit colleges whose education system was aimed at developing individual abilities of students but also their ambition, the spirit of competition, strict adherence to the established rules. The space of the protagonist's home at the beginning of the story is completely opposed to the space of Clongowes Wood College boarding school, which appears alien, dark and aggressive. However, over time, the house of the Dedalus family loses its positive characteristics and is no longer able to protect Stephen from the influence of the unhealthy atmosphere of the school. Together with acquired knowledge and skills, the boy absorbs the negative character traits and even the vices existing there which form a continuation of the innate properties of his nature. Thus, staying in educational institutions, although contributing to the

development of his creative abilities, also has a profound influence on the formation of certain traits of his personality.

Key words: Joyce, school, pride, ambition, personality, negative space.

Первый роман Джеймса Джойса – это история художника, основанная на автобиографическом материале, в которой сюжетной основой стали не перипетии окружающей героя действительности, а некоторые особенно значимые эпизоды его жизни, раскрывающие историю его внутреннего мира и рисующие, таким образом, портрет души художника. Процесс формирования главного героя, Стивена Дедала, представлен почти с рождения и до момента, когда тот становится самостоятельной личностью, способной реализоваться в творчестве. Большой объем в изображении детства героя занимает пребывание в учебных заведениях – закрытых иезуитских колледжах, католическом университете, где деканом факультета является также иезуит. Система воспитания, изложенная в детально разработанном «Школьном уставе», была направлена на развитие индивидуальных способностей учащихся, но также их честолюбия, духа соперничества, четкого следования установленным правилам. Формирование индивидуальности в учениках сочеталось со строгой регламентацией не только их деятельности и поведения, но и всего воспитательного и образовательного процесса.

До поступления в престижный колледж-пансион Стивен растет в доме, который находится в Брее, небольшом городке, недалеко от Дублина, – с золочеными канделябрами и старинными портретами предков на стенах, трюмо в прихожей и зеркалом над камином. В этом доме приятно все, что могут уловить пять человеческих чувств: тепло от огня в камине, сказки и песенки, которые ласкают слух, вкусная домашняя еда, вид всех домочадцев и приятный запах мамы. Все элементы этого пространства вызывают у героя лишь положительные чувства, и даже если возникает нечто негативное, оно уравновешено чем-то положительным (мокрая пеленка не раздражает, ведь ее подойдет менять мама). «Чистое восприятие мальчика Бубу на первых страницах совершенно идиллично» [5, с. 82].

В первой эпифании локусы плавно сменяют друг друга, переходя один в другой, представляя собой разные формы единого мира, а существующие в нем люди лишь дополняют друг друга. Между отдельными частями здесь нет никаких границ – ни пространственных (дверей, окон, стен и т.д.), ни временных (день/ночь), ни в отношениях с окружающими (в доме номер семь живет семья Вэнсов, на дочери которых маленький Стивен собирается жениться). Се-

мья Дедалов включает в себя не только родителей и детей, но и воспитательницу Дэнти, которая учит его разным интересным вещам из истории и географии, и дядюшки Чарльза, дальнего родственника, который ходит с ним в церковь.

Выделенные нами положительные характеристики дома являются определяющими, прежде всего, в противопоставлении пространству негативному, которым становится для героя иезуитская школа. Когда Стивен попадает в Клонгоузский колледж, одно из лучших элитных образовательных учреждений в Ирландии того времени, то вся целость его мира раскалывается на два противоположных пространства: родное – дом и чужое – колледж.

Родители определяют его в школу-пансион, где он должен получить прекрасное образование и стать джентльменом и должен чувствовать себя своим. Однако в восприятии Стивена колледж становится некой «черной дырой», которая поглощает все теплые ощущения, приятные вкусы, запахи и яркие цвета, где даже солнечный свет изменяет свои качества, становясь серым и холодным. Во второй эпифании первой главы слова «холодный» и однокоренные с ним употребляются более 30 раз, создавая полное ощущение, что каждый уголок пространства колледжа наполнен пробирающим холодом, не выпускающим героя из состояния зябкости: холодная постель, холодный воздух на площадке и в коридорах колледжа, и в церкви, и в дортуаре. В описаниях атмосферы родного дома Стивена *камин* является одним из важнейших элементов. Так, в первой главе романа горящий камин упоминается несколько раз, например, в канун Рождества, когда все домашние, семья и близкие, располагаются вокруг камина, как вокруг своеобразного центра красочно украшенного дома, в ожидании рождественского обеда.

Количество свойств, противопоставляющих дом колледжу, велико, и нет ни одной характеристики, связывающей эти топоры. А потому неслучайно, что семестр в колледже и, таким образом, сам колледж ассоциируется у героя с туннелем: темным, холодным и наводящим страх. Единственной надеждой, светом в конце этого туннеля становится поездка домой, где все светло и радостно, и тогда вместо темного туннеля Стивен видит поезд, похожий на заманчивый и необыкновенно вкусный торт с кукольными фигурками: «...длинный-предлинный шоколадный поезд с кремовой отделкой. Проводники в синих мундирах с серебром: у них серебристые свистки, а их ключи называют какую-то быструю мелодию: клик, клик, клик, клик...» [3, с. 18; здесь и далее перевод наш. – Т. Ж-Э.] Более того, даже самые примитивные условия жизни кажутся привлекательными только потому, что представляют собой «мир-за-

пределами-колледжа»: «Замечательно было бы поспать одну ночь в таком деревенском доме, возле очага с дымящимся торфом, в темноте, освещенной этим огнём, в тёплой темноте, дыша запахом крестьян, воздуха и дождя, и торфа, и грубой материи» [3, с. 15].

В чужом мире школы все элементы нового мира, разворачивающегося вокруг героя, представляются откровенно враждебными. Ни в этом локусе, ни в этом коллективе Стивену не удастся почувствовать себя своим. Ни прекрасная успеваемость (он – один из лучших учеников в классе), ни спокойное поведение, ни звание предводителя Йорков в «Войне Роз» – классном соревновании двух групп – не спасают мальчика от словесных и физических нападков других учащихся. Бахвальство учеников положением своих родителей, дорогой одеждой или отдельным меню не встречало никакого порицания со стороны властей колледжа, усиливая горделивое превозношение. Насмешки над его фамилией и вопросы о роде деятельности его отца задевают Стивена за живое, заставляя его сомневаться в своем соответствии данному социуму. А падение в сточную канаву из-за конфликта со старшеклассником еще раз подчеркивает его неумение сражаться и заставляет его чувствовать себя маленьким и слабым. Даже доброжелательность некоторых одноклассников, которые пишут ему стихи и раскрашивают картинки в тетрадке, не может превозмочь общей враждебности окружающего.

Выражением психологической отчужденности от остальных мальчиков класса становится и его физическая пассивность в общих играх, где он лишь делал вид, что участвует, стараясь держаться как можно дальше и от воспитателя, и от команды, и неучастие его в общих разговорах: «Стивен стоял среди них, боясь заговорить, слушая» [3, с. 40]. Стивен не делает попытки перебороть это отчуждение, уменьшить расстояние, подружиться с кем-либо из одноклассников, поскольку все они «казались ему очень странными» [3, с. 9]. Слово «strange», обозначающее не просто странность, но и непонятность и чуждость, становится ключевым при описании восприятия героя. Отсутствие своего места в этом пространстве, страх и унижения, усиленные размышления над неписаными правилами поведения, нарушенными его оппонентом, совершенно выбивают героя из душевного равновесия и доводят до болезни. Это первое происшествие стало спасительным выходом для Стивена: обидчик извинился, восстанавливая его статус и самоощущение, а у самого героя появилась возможность «спрятаться» в теплом лазарете от всей неприязненности пространства и помечтать о красочных книжках с миской вкусного бульона в руках.

Болезненные состояния, как мы увидим далее, часто так или иначе связаны в романе с учебными заведениями. Вторая ситуация была более серьезной: он, самый младший, со слабыми слезящимися глазами, был подвергнут совершенно незаслуженному телесному наказанию. Это уже не столкновение со старшеклассником (хотя и более сильным физически, но принадлежащим тому же кругу), это конфликт иного уровня – с представителем власти колледжа.

После проступка старшеклассников власти колледжа постарались утвердить беспрекословную дисциплину карательными методами. Никто из мальчиков не чувствует себя в безопасности, зная, что все они в глазах инспектора отца Долана лишь «нерадивые слоняющиеся лодыри, маленькие слоняющиеся ленивые прохвосты» [3, с. 50]. Появление инспектора в классе отмечено тихим открыванием и закрыванием дверей, что создает дополнительную накаленность атмосферы, ощущение загнанности в мышеловку, из которой уже нет выхода. После того как классный наставник наказывает одного из мальчиков за невыполненное домашнее задание, отсчитывая шесть звонких ударов штрафной линейкой по каждой руке, страх главного героя переходит в парализующий ужас: «От страха сердце Стивена чуть не выпрыгнуло из груди» [3, с. 49]. Телесное наказание прибавляет к страхам душевным страдания физические. Однако не боль, а именно несправедливость заставляет Стивена сделать свой выбор и стать сильным, стать настоящим «предводителем Йорков», стать таким же героем, как великие люди, описанные в книгах, и вступить в открытую борьбу: обратиться к верховной власти – к ректору, к представителю высшей силы. На своем пути к кабинету ректора, терзаемый сомнениями и страхом, Стивен проходит по темным коридорам, где на стенах висят портреты святых ордена иезуитов и основателей колледжа Клонгоуз. Ректор, который тоже сидит за столом, представляется ему неким последним живым членом этого длинного ряда святых учителей. Череп на его столе, который привлекает внимание Стивена, являясь символом бренности земного существования, еще более усиливает атмосферу отрешенности от повседневности. Само посещение «высшего пространства» и снисkanie защиты ректора приобщает его к сонму героев, исключительных людей.

Таким образом, из колледжа домой Стивен возвращается не раздавленным и обиженным, а человеком, которому удалось доказать свою правоту и стать победителем, всеобщим героем, заслужившим крики «Ура!» в свою честь. Гордость за себя и вера в свою исключительность дают ему силы и уверенность в себе, чтобы стать «Наполеоном», командиром шайки мальчишек и совершать набеги на окрестные сады и организовывать «битвы» на холмах над морем, возвращаясь вечером в свой теплый и приветливый дом. Однако дом,

казавшийся прежде нерушимым, начинает переживать метаморфозы. Переезд в огромный Дублин становится не просто перенесением единства дома в иной город, как это было ранее между Бреем и Блэкроком, но разбиванием его на составные части. Эти части уже никогда не составят целостного пространства, но будут все больше и больше дисгармонировать друг с другом, пока не станут кучей осколков, сваленных вместе. Это качественное изменение топоса дома наносит удар не только по его защищенности, по его мироустройству, но и по его гордости. Ни его дом, ни его семья, ни его имя не дают ему возможности гордиться ими, как это было прежде. Он везде осознает свое унижительное положение бедного родственника: и в совсем непрезентабельных домах дальних родственников, и в следующем иезуитском колледже Бельведер, куда он принят на бесплатное обучение по протекции ректора Конми. Насмешка над его героическим поступком уничтожает ореол освободителя вокруг ректора и побуждает Стивена причислить всех преподавателей к представителям враждебного лагеря.

Этому способствуют и те высказывания Саймона Дедала о преимуществах образования в иезуитском колледже, форма которых (м-р Дедал употребляет выражения, связанные с Богом) полностью противоположна сути (завоеванию положения): «К черту христианских братьев! – сказал м-р Дедал. – Пусть держится иезуитов, Бога ради, раз уж он у них начал. Они ему позднее сослужат неплохую службу. Уж эти-то ребята обеспечат тебе положение. – И ведь это очень богатый орден, не правда ли Саймон? – Еще бы! Ты видела, какой у них стол в Клонгоузе? Ей-богу, кормятся как бойцовские петухи! <...> Кто займет его место в корпорации?» [3, с. 74–75]. Таким образом, оказывается, что сам орден и учеба в колледже воспринимались отцом не в соотнесенности с достижением духовных высот, а с достижением хорошего социального и финансового положения, и не случайно сам орден он называет экономическим термином «корпорация». И грех Симона Волхва, о котором Стивен будет думать потом, это, прежде всего, грех его собственного отца, тезки знаменитого язычника, грех стремления купить духовную власть за деньги, или, другими словами, обменять духовное на мирское: «Отец Стивена виновен в некоторой разновидности симонии – продаже своей семьи для удовлетворения собственного тщеславия» [4, с. 26]. Мальчик ассоциативно сравнивает Саймона Дедала с молодым иезуитом не на основании их духовных или душевных качеств, а по их стремлению соответствовать правилам хорошего тона: «иезуита всегда можно узнать по его умению одеваться» [3, с. 89]. Несмотря на свое растущее отчуждение, Стивен осознает в этом осквернение священнического сана, ощущает десакрализацию священного и материализацию духовного.

Даже став одним из лучших учеников класса, Стивен не получает признания среди одноклассников как лидер и не может рассчитывать на сочувствие других учеников, как это было в Клонгоузе. Возрастающий в нем под влиянием поэтов-романтиков протест оборачивается стремлением быть лучшим в классе по сочинению, поскольку именно этот предмет дает ему возможность выразить свою жизненную позицию, свои надежды и метания.

Сознание убогости его дома и его разума побуждает Стивена написать о душе, затянутой в болото убогой жизни, униженной до пребывания в этом недостойном ее мире без единого шанса приблизиться к идеалу. Публичное обвинение в ереси явилось поводом для ехидного злорадства одноклассников над его промахом. А через несколько дней его открытое выступление с защитой своих литературных кумиров, поэтов-романтиков, воплощавших его убеждения, становится поводом для неравной драки. В противоположность сражениям в Блэкроке, где он был лидером целой шайки, и битвам Роз, в которых он был предводителем Ланкастера, теперь Стивен вновь превращается в слабого, побежденного и униженного, которому удастся лишь позорно бежать с поля боя.

Несмотря на блестящие успехи в учебе новый колледж остается для Стивена чужим и холодным локусом, сливающимся с общим пространством внешнего мира. Случившаяся жизненная несправедливость переносит его отчуждение на новый уровень, он испытывает полное неприятие всей системы окружающей его жизни, в которой душе, захлестнутой этим холодным миром и брошенной в нем, остается только отгородиться от земной лжи, фальши и неискренности. «Навыки спокойного повиновения» [3, с. 88] наставникам, не оставлявшие Стивена, основываются на глубокой отчужденности от окружающего, которое было больше физического отсутствия, так же, как его внутренний протест был гораздо сильнее, чем мелочная горячность его сокурсников.

Отстраненно обозревая трансформацию локуса церкви в театральные подмостки, герой видит в этом крушение Ноева ковчега, корабля спасения, от которого остается лишь темный остов. Надев маску в прямом (нанеся грим) и в переносном смысле (отражая фальшивые улыбки мнимых друзей), он сам создает квинтэссенцию почти карнавальной игры – читает покаянную молитву «Confiteor» в качестве шутовского извинения за незначительную оплошность. Эта пародийная профанация самого священного и самого серьезного заставляет посмеяться его «истинного друга» Херона, приятельские отношения с которым в действительности основаны на соперничестве. Такая всепроникающая и вездесущая фальшивость углубляет отчужденность героя, замораживая его чувства к этому серому пространству и всем, кто в нем. В понимании

Стивена весь окружающий мир во всех своих проявлениях фальшив, а потому он лишь спокойно повинуется предложенным правилам.

Старый учитель из прежнего колледжа, так неожиданно появившийся в качестве проповедника на лекциях, играет в сознании Стивена роль проводника всей атмосферы Клонгоуза. Мальчик вспоминает не только классы, площадки или учителей, он вспоминает и свой страх. Страх перед темнотой, собаками (символами inferнального пространства) и самим адом теперь овладевает им с удесятенной силой, приводя к осознанию собственного падения. Прошлое и настоящее, сливаясь воедино в образе старого учителя и его проповеди о Страшном суде, разбивают холодное трезвое безразличие, наполняя его душу ледящим ужасом. Живописания дантовской преисподней, как от прикосновения призрака, оборачиваются кошмаром его личного козлиного ада, видение которого доводит героя до болезненного приступа: «Он вскочил с кровати: разящий смрад устремился по горлу, заполняя и выворачивая внутренности. Воздуха! Воздуха небес! Спотыкаясь, он добрался до окна, подвывая, стена и почти теряя сознание от тошноты. Около умывальника все его внутренности свело судорогой, он иступленно сжал руками холодный лоб, прежде чем его охватил приступ мучительной рвоты» [3, с. 141].

Желание очиститься вступает в борьбу с гордыней, не позволяющей ему покаяться на традиционной предпасхальной исповеди в колледже, которая (в сознании) Стивена приравнивается к публичному унижению. Поиски избавления от мучивших его грехов и сомнений приводят его в небольшую часовню на улице Церковной, где он плачет от искреннего раскаяния. Со слезами на глазах. «Жизнь юношеского упадка, в которую он впал, была, казалось, временно искуплена его внутренним решением покаяться и исповедаться» [1, с. 507]. Но тот самый грех интеллектуальной гордыни, который точил душу Стивена до покаяния, не оставляет ее и после. Не сомневаясь, что после глубокого переживания исповеди и причастия, душа его вознеслась над всем земным и приблизилась к вечности, к Творцу, он своими действиями пытается еще сильнее укрепить эту связь, не замечая, что каждая его мысль, слово и поступок, как и до исповеди, соответствуют некоему материальному исчисляемому коэффициенту. Различие состоит лишь в том, что до причастия они ассоциировались с математическим уравнением, раскрывающимся как хвост павлина, на каждом пере которого горело по огненному глазку-греху, а после причастия – с огромным небесным кассовым аппаратом, который пересчитывает добрые дела Стивена и выдает чек в виде дыма ладана или нежного цветка. Каждая деталь описаний свидетельствует о том, что именно гордость переполняет Стивена и подпитывает все остальные грехи и страсти, поскольку «математика –

это язык чистой, бесстрастной, даже холодной логики, в то время как гордость, и особенно гордость Стивена, является самым интеллектуальным из семи смертных грехов» [6, с. 46].

Предложение вступить в орден иезуитов стало подтверждением его исключительности – быть выше всех, наконец-то по праву обрести заслуженное место и получить ту непререкаемую и неограниченную власть над всем окружением, над видимым и невидимым, и встать на недостижимой вершине среди немногих избранных: «... в этом гордом обращении он слышал отзвук собственных гордых мечтаний» [3, с. 171]. Некоторые исследователи подчеркивают, что Стивена отталкивает, прежде всего, цена, которую он должен был бы заплатить за обещанную ему великую власть [2, с. 67]. «Холодность и упорядоченность этой жизни претили ему. <...> Что делать с гордыней духа, которая всегда заставляла его чувствовать себя обособленным в каждом ордене?» [3, с. 174] Иереем он видел себя только «в церкви без верующих, лишь с ангелом на жертвеннике, перед пустым престолом и с прислуживающим пономарем, немногим более юным, чем он сам» [3, с. 172]. Все воплощения, которые ему грезились, представляли перед ним, «как в его детском молитвеннике», были очень далеки от действительности.

Слово «университет», звучавшее для него как «призыв жизни к его душе, а не понурый и вульгарный голос мира долга и безысходности, не бесчувственный голос, призывавший его к бесцветному служению перед алтарем» [3, с. 184], вскоре перестает быть синонимом свободы, способствуя переходу отчуждения и горделивого высокомерия на следующий, более высокий уровень. Невозможность обретения в вузе качественно новой жизни, не зависящей от законов повседневности, кардинально изменяет его отношение не только к самому университету, но и к жизни в целом. При всей своей свободности (другой тип учебного заведения) пространство университета несет в себе отголоски как Клонгоуза, так и Бельведера. Как и в первом колледже, придя в университет, Стивен пускается в бесконечные блуждания по его коридорам, и, как во втором, находит себе здесь друзей-соперников. Из отцовского «холодного» дома, где от некогда ярко пылавшего камина остается лишь каминная полка, герой приходит в католический университет, где камин пытается разжечь декан, уверяющий, что это полезная наука. Ни в жизни Стивена теперь, ни в его душе нет больше огня, он не может согреться ни у одного из каминов-сердец других людей, но и сам не в состоянии разжечь его для кого-нибудь.

Пройдя через все ступени обучения того времени, Стивен получает прекрасное образование, как и мечтали его родители, отдавая его в иезуитский колледж-пансион. Однако вместе со знаниями, с развитием недюжинного ин-

теллекта герой приобретает там отрицательные черты характера и даже пороки, которые становятся продолжением врожденных свойств его натуры. Под влиянием нездоровой атмосферы соперничества в школе, а также культивированного там чувства превосходства, которое иезуиты постоянно подчеркивали, его врожденная талантливость приняла форму интеллектуальной гордыни, застенчивость переросла в замкнутость, любовь к уединению трансформировалась в отчуждение от окружающих, которые стали восприниматься как толпа. Таким образом, пребывание в учебных заведениях, безусловно, способствовало развитию его творческих способностей, но и оказало глубочайшее влияние на формирование определенных черт его личности.

Список литературы

1. Dorsey, P. From Hero to Portrait: The De-Christification of Stephen Dedalus // James Joyce Quarterly. 1989. Vol 26. № 4. Pp. 505–515.
2. Henke, S. Stephen Dedalus and Women: A Portrait of the Artist as a Young Misogynist // James Joyce's A Portrait (Serial Modern Critical Interpretations) / Ed. H. Bloom. NY–Philadelphia: Chelsea House Publishers, 1988. 110 p.
3. Joyce, J. A Portrait of the Artist as a Young Man. London: Penguin Books, 1992. 329 p.
4. Kaye, J. B. Simony, the Three Simons, and Joycean Myth // A James Joyce Miscellany. NY, 1976. Pp. 20–36.
5. Lanham, J. The Genre of A Portrait of the Artist as a Young Man and “the rhythm of its structure” // Genre. 1977. Vol. X. № 1. P. 82.
6. Mahaffey, V. Reauthorizing Joyce. Cambridge: CUP, 1988. 222 p.

References

1. Dorsi P. *Ot geroya k portretu: dekhristifikaciya Stivena Dedala* [From Hero to Portrait: The De-Christification of Stephen Dedalus] *Dzhejms Dzhojs ezhekvartal'nik* [James Joyce Quarterly] 1989. Tom 26. № 4. Pp. 505–515 (In English).
2. Henke, S. *Stiven Dedal i zhenshchiny: portret hudozhnika kak molodogo zhenonenavistnika* [Stephen Dedalus and Women: A Portrait of the Artist as a Young Misogynist] *Portret Dzhejmsa Dzhojsa (seriya sovremennyh kriticheskikh interpretacij)* [James Joyce's A Portrait (Serial Modern Critical Interpretations)] pod red. H. Blum. N'yu-Jork – Filadel'fiya: Izdatel'stvo Chelsea House, 1988. 110 p. (In English).
3. Dzhojs Dzh. *Portret hudozhnika v molodosti* [Portrait of the Artist as a Young Man] London: Penguin Books, 1992. 329 p. (In English).
4. Kej, Dzh. B. *Simoni, Mif o trekh Sajmonah i Dzhojse* [Simony, the Three Simons, and Joycean Myth] *Sbornik statej o Dzhejmse Dzhojse* [A James Joyce Miscellany] NY, 1976. Pp. 20–36 (In English).
5. Lanham Dzh. *Zhanr portreta hudozhnika v molodosti i «ritm ego postroeniya»* [The Genre of a Portrait of the Artist as a Young Man and “the rhythm of its structure”] *Zhanr* [Genre] 1977. Vol. X. № 1. P. 82 (In English).
6. Mahaffi, V. *Povtornaya avtorizaciya Dzhojsa* [Reauthorizing Joyce] Kembridzh: CUP, 1988. 222 p. (In English).